

УДК 821.111 «18»

*И.В. Морозова***«АНТИТОМОВСКИЙ РОМАН» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕЙ ЮЖНОСТИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЖЕНСКАЯ СТРАТЕГИЯ**

Рассматривается феномен так называемого «антитомовского романа», появившегося в южной литературе США в канун Гражданской войны как реакция на роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Отталкиваясь от фабулы и сюжета романа Г. Бичер-Стоу, южане создали тип романа-перевертыша с откровенными инвективами в сторону автора «Хижины». Несмотря на художественную несостоятельность и их явную тенденциозность, эти романы имеют важное значение для понимания становления и развития идей «южности», в них происходит закрепление основополагающих структурных единиц «южного мифа», являющегося фундаментом художественного видения мира южными писателями.

Ключевые слова: литература США, южная школа американской литературы, антитомовский роман, «Хижина дяди Тома», женская литература XIX в.

Американская писательница Гарриет Бичер-Стоу за свою долгую жизнь создала не один десяток романов и произведений других жанров (книги для детей, биографические очерки, стихи), однако в историю как американской, так и мировой литературы она вошла как автор бессмертного антирабовладельческого романа «Хижина дяди Тома» (*Uncle Tom's Cabin, 1852*). Пожалуй, в истории других стран вряд ли найдется художественное произведение, которое оказало бы такое мощное воздействие на сознание нации, как этот роман на сознание американцев. Не случайно президенту Линкольну приписывают фразу, якобы произнесенную им при встрече с писательницей в начале Гражданской войны: «Так это Вы та маленькая леди, которая своей книгой начала большую войну?».

Этот роман стал своеобразным катализатором социального взрыва, давно и медленно нараставшего в отношениях между Севером и Югом. Стимулом к его созданию, с одной стороны, послужил Закон о беглых рабах (*Fugitive Slave Act*), утвержденный конгрессом США в 1850 г. как компромисс между Севером и Югом. Согласно этому закону, беглые негры должны были насильственно возвращаться владельцам даже из тех штатов, в которых рабство было запрещено. Прогрессивное сообщество с возмущением восприняло этот бесчеловечный закон, поскольку до его принятия у рабов оставалась хотя бы призрачная надежда на спасение в северных штатах.

С другой стороны, во многом роман был инициирован личными переживаниями Бичер-Стоу: в 1849 г. умер ее годовалый сын, она тяжело переживала эту утрату, и как она сама впоследствии признавалась, именно тогда она задумалась над тем, какие чувства должны испытывать черные рабыни, когда у них отнимают детей. Не случайно один из самых пронзительных эпизодов ее романа связан с изображением безмерного отчаяния рабыни Элизы, когда она бежит по тонкому льду реки Огайо с ребенком на руках, чтобы попасть в свободные штаты и спасти своего маленького сына, уже предназначенного ее хозяином к продаже.

Для Гарриет Бичер-Стоу рабство было прямым вызовом христианству, и ею руководило естественное для истинной христианки – к тому же дочери, сестры и жены священников, – стремление изменить жизнь согласно законам христианской нравственности. Не случайно она позже говорила, что во время написания романа ее рукой водил сам Господь. Описывая ужасающие картины страдания рабов в своем романе, Гарриет Бичер-Стоу, тем не менее, была далека от мысли радикальных способов решения вопроса рабовладения. Она была сторонницей мягких методов и хотела лишь вызвать сочувствие к «униженным». Она, истинная христианка, взывала к рабовладельцам и к их сердцу с целью заставить тех «возлюбить своих ближних». Однако ее воззвание было прочитано и на Севере, и на Юге как призыв к действию. Южане восприняли это произведение как вызов, и поспешили сплотить свои ряды в мощном отпоре Гарриет Бичер-Стоу и защите собственного дома. Роман вызвал чувство оскорбления во всем южном сообществе, и маститый писатель Уильям Гилмор Симмс попросил Луизу Маккорд, известную публицистку, написать на него рецензию, полагая, что наилучшим ответом Гарриет Бичер-Стоу будет критика, исходящая из уст женщины.

Рецензию на роман (*Uncle Tom's Cabin Review*) Маккорд начала с обвинения Бичер-Стоу в том, что та совершенно неправильно изобразила обращение с рабами на Юге и свою неуёмную фантазию

противопоставила фактам: «она так же ручается за достоверность изображенных фактов, как и правдивый барон Мюнхгаузен ручался за свои истории» [6. С. 284]. Маккорд всемерно пытается убедить читателя в том, что антирабовладельческая аргументация Бичер-Стоу не выдерживает никакой критики, и все ее умозаключения лишены логики и здравого смысла. Так, например, рассматривая изображение рабов в романе, Маккорд особо выделяет тот факт, что большинство из них мулаты. «Создается впечатление, – пишет Маккорд, – что, забыв о том, что главной задачей ее повествования являлась защита негров, автор как будто специально представила большинство угнетаемых индивидов, призванных вызвать наше сострадание, не как негров, а как белых, лишь с небольшими признаками черной крови в них» [7. С. 270]. Даже самого дядю Тома, по мнению Маккорд, Бичер-Стоу наделяет характеристиками белого, что обнажает незнание автором разницы в характерах белого и черного человека. Обвиняя Бичер-Стоу в незнании вопроса, о котором она так смело рассуждает в своем романе, Маккорд подчеркивает: писательница «заставила своих южных леди и джентльменов говорить на вульгарном английском языке, а ее луизианские негры имеют кентуккийский выговор» [7. С. 270].

Луиза Маккорд была одной из первых южан, обрушивших лавину критических замечаний на роман Г. Бичер-Стоу. Ее поддержали практически все печатные средства Старого Юга. Так, одно только южное издание, новоорлеанская газета «Дэйли Пикайюн» (*The Daily Picayune*), – не говоря уже о рупоре прорабовладельческой идеологии всего штата Луизиана газете «Дебоз Ревью» (*De Bow's Review*) – за год, с декабря 1851 по декабрь 1853 г., опубликовала пятьдесят три статьи, направленные против романа и даже самой Г. Бичер-Стоу, обвиняя роман в отсутствии настоящих христианских добродетелей, а его автора в противопоставлении себя всем женщинам Америки [9; 10].

В противовес изложенным в романе событиям южные газеты публиковали трогательные и достоверные (что особо подчеркивалось) истории отношений между рабами и их хозяевами. Например, та же «Дэйли Пикайюн» только на одной неделе в декабре 1852 г. напечатала две статьи о событиях, опровергающих, по мнению авторов, «злонамеренные вымыслы» Г. Бичер-Стоу. Так, в анонимной статье «Факты для следующего издания “Хижина дяди Тома”» (*Facts for the Next Edition of Uncle Tom's Cabin*) излагается история о том, как некий мулат из Виргинии, освобожденный своим хозяином и получивший от него двадцать пять тысяч долларов за преданность, выкупил жену и детей и уехал в Филадельфию, где узнал, что его дни сочтены. Поскольку хозяин к тому времени уже умер, то мулат обратился за помощью к его другу, тоже рабовладельцу, чтобы тот приехал и забрал его и семью к себе. По приезде на Юг мулат умер, но перед этим оставил завещание, в котором отписал все, что ему принадлежало, этому белому человеку. «Если бы рабство было так плохо, как показывает Стоу, – вопрошает автор статьи, – то стал бы этот мулат отдавать своих жену и детей опять в рабство?» [11].

В другой статье, также неизвестного автора, «Негр из Джорджии для миссис Стоу» (*A Georgia Negro for Mrs. Stowe*) рассказывается, как плантатор мистер Гарриет Райли отпустил своего раба Дэниэла на заработки в Калифорнию. После года работы на золотом прииске тот вернулся к хозяину и отдал все золото, которое нашел. Статья заканчивается риторическим вопросом: «Если бы институт рабства был таким, как показывает миссис Стоу, неужели бы раб вернулся из свободного штата, где он скопил средства, на рабовладельческий Юг, чтобы отдать все заработанное своему хозяину?» [12].

Вряд ли теперь можно достоверно узнать, действительно ли эти факты имели место, был ли это откровенный вымысел или смешение вымысла с реальными событиями. Очевидно одно, что многочисленные статьи имели одну задачу – уменьшить влияние романа Г. Бичер-Стоу, показав несостоятельность авторских интенций и лживость изображенной картины действительности.

Немало статей было посвящено и собственно литературным достоинствам и недостаткам романа «Хижина дяди Тома». Так, одни критики утверждали, что «как литературный опус, роман ниже всякой критики ... но издатели все продолжают его выпускать, набивая себе карманы и не считаясь с общественным мнением» [13]. Другие, напротив, отмечали, что книга написана, безусловно, талантливо, однако в своем рвении разоблачить рабство «она показывает совершенно дикую и нереальную картину рабства» и сокрушались по поводу того, что «драматическая сила романа не будет иметь никакого иного эффекта, кроме возрастания фанатизма в одной части и усиления возмущения в другой» [14].

Многие авторы статей прямо призывали южных писателей дать немедленный ответ на роман Г. Бичер-Стоу созданием правдивого и честного произведения о судьбе рабов. На этот призыв немедленно отреагировали многие не только южные, но и северные литераторы, представив читателям свою версию жизни рабов на Юге, в корне отличающуюся от описаний рабства в романе «Хижина дяди Тома». Так, американский исследователь Т. Госсет, анализируя реакцию в США на появление

романа «Хижина дяди Тома», пишет, что в период с 1852 г. до начала Гражданской войны вышло около тридцати «антитомовских» романов – ответов на «Хижину», написанных как южанами, так и северянами, как авторами-мужчинами, так и женщинами [5]. Писатели использовали разные полемические стратегии: они защищали плантацию как прекрасное место, нападали на Север за эксплуатацию труда, показывали счастливых негров и доказывали их биологическую неспособность к свободе. Часто авторы использовали сцены, характеры, типажи, выведенные в романе Г. Бичер-Стоу, давая им противоположную оценку и интерпретацию.

Конечно, ни один из этих романов не достиг славы и популярности «Хижины». Тем не менее, они читались довольно широким кругом не только южан, но и северян. Самым известным произведением среди «антитомовских» романов была «Северная невеста плантатора» Каролины Хенц (*The Planter's Northern Bride*, 1854), где довольно успешно совмещена густая прорабовладельческая риторика с «культом домашнего очага»¹. Хотелось бы остановиться на других, ныне менее известных или совсем забытых романах, которые формировали литературный и идеологический контекст 1850-х гг. в южных штатах и имели определенное влияние на общественное мнение не только на Юге, но и на Севере.

Можно сказать, что повествование в «антитомовском» романе разворачивается в контрастном соответствии одной фабульной основе, идущей от «Хижины» – все герои и ситуации составляют антитезу героям и ситуациям романа Г. Бичер-Стоу. Создательницы таких романов не скрывали своих намерений противопоставить свои произведения «Хижине». Так, например, Марта Батт, подводя итог своим размышлениям в конце романа «Антифанатизм: повесть о Юге» (*Antifanaticism: A Tale of the South*, 1853), говорит о том, что хотела написать о жизни Юга еще до того, как увидела роман Г. Бичер-Стоу, но «после внимательного изучения явно искаженной картины, она действительно почувствовала свой долг защитить свой родной край. Миссис Стоу, без сомнений, представила вещи совершенно в ином свете, чем это есть на самом деле. Она ничего не знает о южной жизни, поэтому ей не следовало бы предпринимать попытку написать о ней. Безусловно, она заставит поверить людей (тех, кто слаб умом), что южане самые бесчеловечные представители человеческого рода на земле» [1. С. 266].

Другая писательница, Мэри Истмэн, посвятила последнюю главу романа «Хижина тетушки Филлис, или жизнь на Юге как она есть» (*Aunt Phillis's Cabin; or, Southern Life As It Is*, 1852) полемике с Г. Бичер-Стоу. Как видим, название произведения вызывает прямую аллюзию на «Хижину Дяди Тома». М. Истмен подробно цитирует «Хижину» и опровергает высказанные Бичер-Стоу мысли [3]. Кстати, именно роман М. Истмэн удостоился особого благожелательного отзыва Д. Дебо, который с сентября 1852 г. по июль 1860 г. опубликовал тринадцать статей о романе Бичер-Стоу. Так, в частности он писал: «Миссис Истмэн создала, пожалуй, лучший ответ грубой клевете на Юг, обозначенной в «Хижине дяди Тома». Она назвала свое произведение «Хижина тетушки Филлис, или южная жизнь как есть», и предоставила в нем множество превосходных и правдивых картин, противопоставляя раба на Юге свободному работнику других стран» [15].

При общей фабуле, создательницы «антитомовского» романа стремились описывать разнообразные сюжеты, так или иначе связанные с проблемой рабства. Так, сюжет произведения М. Истмэн во многом был «перевертышем» сюжета «Хижины» – в нем полная событий жизнь тетушки Филлис заканчивается ее смертью по естественной причине почтенного возраста, а когда она умирает, то благодарит Господа за то счастье, которое Он ниспослал ей, и дает благословение своим плачущим от горя хозяевам.

Автор «Антифанатизма» описывает путешествие северянина “Mr. I” с Севера на Юг и обратно с соответствующим изображением событий в семье плантатора “Mr. M”. Приезд северянина на плантацию и его возвращение домой, а затем неоднократные возвращения на полюбившийся Юг позволяют М. Батт проводить постоянные контрастные параллели добродетельного и приветливого мира Юга эгоистическому и расчетливому Северу.

Позднее, по мере обострения противоречий между Севером и Югом, писательницы сосредотачивают свое внимание на аболиционизме как основном источнике зла, принесенного идеями освобождения черного раба цивилизованному миру белого человека не только на Юге, но и на Севере. Так, например, в романе В. Г. Каудин «Элен, или дочь фанатика» (*Ellen; or, The Fanatic's Daughter*, 1860) повествуется о страшных перипетиях судьбы Элен Лэйтон, дочери южанки и северянина, который

¹Анализу этого романа посвящена отдельная статья: Морозова И.В. Идеология Старого Юга в романе К. Хенц «Северная невеста плантатора» // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. 2005. Сер. 9, вып. 1. С. 15-24.

увез семью с Юга, чтобы привить ей аболиционистские убеждения. Главным носителем зла аболиционизма является здесь пастор Блейк, дядя Элен, который, «по своей должности обязан был служить Господу, но на самом деле использовал религию просто как маску, под которой до времени его пороки тщательно скрывались. Пастор был законченным аболиционистом, и вовсе не от искренней симпатии к африканской расе – в действительности его мало заботили и рабы, и рабовладельцы, – но освобождение рабов было весьма популярной темой в его местности, а популярность, по его мнению, была очень важным делом» [2. С. 5]. Конечно же, этот главный, по мнению автора романа, порок влечет за собой все прочие, и бедной Эленс с трудом удастся избавиться от «демонического» дяди с говорящей «черной» фамилией и благополучно устроиться на родном Юге.

Эту же тему, но в другой, отчасти иронической, интерпретации, рассматривает Г. М. Флэндерс в романе «Черный идол» (*The Ebony Idol*, 1860), где изображен возможный трагический для самих северных штатов результат аболиционистских идей [4]. В романе повествуется об обретении власти и трагикомическом конце сбежавшего с южных плантаций и нашедшего убежище в маленькой новоанглийской деревушке раба по имени Цезарь. Добропорядочные жители деревни, наслушавшиеся страшных историй о притеснениях черных рабов Юга и насилии над ними, пытаются всеми силами угодить все возрастающим желаниям Цезаря, последнее из которых – женитьба на белой девушке Мэри. Спасение от распоясавшегося «идола» приходит, с одной стороны, от хозяина Цезаря, благородного плантатора, а с другой, – сами жители теряют терпение и меняют свое благостное отношение к бывшему рабу.

Миссис Флэндерс совершенно убеждена в том, что идеи аболиционизма во многом привлекательно звучат только в тех случаях, когда они носят абстрактный характер, но совершенно не приемлемы в действительности, и причина тому – в естественном для белого человека неприятии черной расы. В заключении она пишет, что, «автор “Хижина дяди Тома” говорит о хороших людях на Севере, которые принимают и обучают униженных (негров). Я знаю “множество” хороших людей там, но ни одного достаточно хорошего, чтобы сделаться другом цветных людей. Мне кажется, что они испытывают несокрушимую неприязнь к цветным» [4. С. 279].

Для некоторых романов «антитомовской» серии, собственно, даже не важен сюжет, главное – это непосредственная дискуссия о рабовладении и добродетелях Юга, представленная в виде диалогов между сторонниками рабовладения и его противниками, как, например, в произведении М. Х. Скулкрафт «Черная перчатка» (*The Black Gauntlet*, 1860) [8]. Интересно отметить, что в риторике «антитомовского» романа характерная для женского дискурса тенденция «сочувствия» сменяется тенденцией «здорового смысла». Если Г. Бичер – Стоу пыталась вызвать сострадание, то создательницы этих романов всячески стремились доказать, что эмоции и сердечные переживания обязательно должны контролироваться рассудком и трезвым расчетом последствий непродуманных действий. Поэтому главным доказательством становится обилие цитат из Библии, подкрепленных выдержками из современных трудов по этнологии, истории, доказывающих право на рабовладение.

Использование библейского текста в оправдание рабовладения было самым мощным и распространенным приемом в риторике южан по отношению к рабовладению, что отразилось и в «антитомовском» тексте. Библейская типология и цитирование Библии не было открытием южан: как известно, это общая черта американской словесности еще с колониальных времен. Поэтому неудивительно, что из романа в роман переходили одни и те же цитаты, как из Ветхого, так и из Нового Завета. Например, для обоснования низшего положения черной расы по сравнению с белой, используется ветхозаветная история о происхождении рас, где закреплена зависимость одной расы от другой: «И сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих; Потом сказал: благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» (Быт., 9: 25-27).

Мысль о том, что рабство и даже работорговля закреплены авторитетом Бога и им же охраняются и регулируются, чаще всего подтверждается цитированием главы 25 «Левита»: «не господствуй над ним с жестокостью и бойся Бога твоего; А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас ... можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими, как рабами» (Левит, 25: 43-46).

Отношения между рабами и их хозяевами оправдывались цитатами из «Первого Послания Петра»: «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым; Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1-е Петра, 2: 18-19); «Послания Павла к Ефессянам»: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу; не с видимою только услужливостью, как че-

ловекоугодники; но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души; служа с усердием, как Господу, а не как человекам; зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, рабы ли, или свободный. И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость; зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицепрятия» (6: 5-9); «Послания Павла к Титу»: «Рабов [увещивай] повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть; но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога» (2: 9-10).

Вторым важным положением в «антитомовском» романе являются ссылки на Конституцию США, и провозглашение того, что именно южане поддерживают конституционный дух: «Зная, что люди на Юге до сих пор разделяют и поддерживают взгляды их революционных предков, мы в то же время видим, как просто от них отказываются люди на Севере. Рабы считались в те времена и на Юге, и на Севере собственностью (так же, как и в Священном Писании). Целая нация санкционировала рабство принятием Конституции» [3.С. 21].

Третьим пунктом полемики «антитомовского» романа был аболиционизм, «рожденный в фанатизме, взращенный в жестокости и волнении» [3. С. 24]. Аболиционизм, с точки зрения всех авторов этого романа, нарушает божественный и конституционный порядок, ведет к хаосу и кровопролитию. При этом писательницы не заботились о каком-либо разнообразии в создании образов аболиционистов, поэтому из романа в роман переходит единый коллективный портрет аболициониста, примером которого может служить уже упомянутый пастор Блейк из романа «Элен, или дочь фанатика». Прежде всего, это коварный лжец, нарушающий все божественные заповеди. Для усиления эффекта этой мысли чаще всего аболиционист «антитомовского» романа скрывает свою истинную личину под маской проповедника, пастора, используя святые религиозные чувства доверчивых рабов.

Поскольку рабы признавались собственностью, то аболиционист, призывающий рабов к побегу, – всегда вор, покушающийся на чужое добро. Пытаясь донести эту мысль в более простой и сразу понятной всем форме, писательницы прямо изображают воровующих или подстрекающих к воровству аболиционистов. Например, в «Антифанатизме» М. Батт аболиционист крадет ребенка, а в «Хижине тетушки Филис» М. Истмэн он упрекает сбежавшую с ним рабыню в том, что та не прихватила с собой кошелек хозяйки. Более того, аболиционисты обируют сбежавших рабов, требуя платы за предоставленную свободу, например, в романе М. Истмэн у рабыни отнимают великолепную кашемировую шаль, подаренную доброй хозяйкой.

Однако самое большое внимание в «антитомовском» романе уделяется описанию счастливой и безмятежной жизни рабов на Юге и тем страшным тяготам, которые они претерпевают, сбежав на Север по подстрекательству аболиционистов. Так, на Юге у них беленькие аккуратные домики с садиками, как у тетушки Филис. На работу они идут, как на праздник: «Вскоре сигнал надзирателя напомнил о том, что они должны возвратиться к своим трудовым обязанностям. Все они подчинились немедленно, и шли весело, с радостными песнями» [1. С. 40]. Радость такого труда особенно заметна при сравнении его с трудом северных рабочих: «На закате дня все рабы возвращаются с работы, в свои маленькие хижины и развлекаются там, в то время как у слуг на Севере нет такого комфорта, это абсолютно им недоступно» [1. С. 218].

Соответственно, в «антитомовском» романе рабы боятся свободы, и даже когда хозяйка предлагает ее, они в ужасе отказываются. Те, кто совершает побег под воздействием аболиционистов, горько раскаиваются и стремятся вернуться. Рефреном в романах звучит мысль о неподготовленности раба к свободе, о его неприспособленности к самостоятельной жизни и неспособности правильно распорядиться собой: «На самом деле, свобода, как и деньги – это великая вещь, но чтобы быть счастливым, мы должны знать, как ей пользоваться» [4. С. 279]. Нельзя поступать бесчеловечно и делать рабов несчастными, дав им свободу, – к такому выводу приводят своих читателей создательницы «антитомовского» романа.

Плантаторы и рабовладельцы представлены как цвет нации. Их благородству и бескорыстию должны учиться северяне. Они свято выполняют свой гражданский и христианский долг, терпеливо обучая неразвитую черную расу добродетелям мирским и духовным, проявляя заботу и терпение к неграм, как к неразумным детям.

Образы белых южанок – матерей, дочерей, жен и сестер плантаторов – также воплощают все самые высокие представления о нравственности, чистоте и трудолюбии. Они утешают рабов в их горестях, заботятся об их здоровье и бытовом комфорте, учат черных детей чтению и проповедуют Слово Божие.

С точки зрения художественности эти романы не выдерживают критики: за густой проработанной риторикой трудно разглядеть самобытность индивидуального стиля, оригинальность идеи, своеобразие сюжета. Тем не менее, эти романы имеют важное значение для процесса становления не только идей «южности», но и для развития южной литературы в целом. В них, как и в произведениях такого женского жанра, как «роман домашнего очага», происходит закрепление основополагающих структурных единиц «южного мифа», в котором проявилось художественное видение мира южными писателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Butt M.H. *Antifanaticism: A Tale of the South*. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1853. P. 266.
2. Cowdin V.G. *Ellen; or, The Fanatic's Daughter*. Mobile: S. H. Goetzel & Co, 1860.
3. Eastman M.H. *Aunt Phillis's Cabin; or, Southern Life As It Is*. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co, 1852.
4. Flanders G.M. *The Ebony Idol*. New York: D. Appleton & Co., 1860.
5. Gosset T.F. "Uncle Tom's Cabin" and American Culture. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1985.
6. McCord L.S. *Philanthropy and American Slavery*// McCord L.S. *Political and Social Essays* / ed. by Richard C. Lounsbury. Charlottesville & London, 1995.
7. McCord L.S. *Uncle Tom's Cabin Review*// L. S. McCord *Political and Social Essays* / ed. by Richard C. Lounsbury. Charlottesville & London, 1995.
8. Schoolcraft M.H. *The Black Gauntlet: A Tale of Plantation Life in South Carolina*. Philadelphia: Lippincott & Co., 1860.
9. *The Lack of the Religion in UCT* // *The Daily Picayune*, August 31, 1853.
10. *Mrs. Stowe vs. the Women of America* // *The Daily Picayune*, June 12, 1853. URL: <http://jefferson.village.virginia.tdu/utc/proslav/butthp.html>.
11. *Facts for the Next Edition of Uncle Tom's Cabin* // *The Daily Picayune*, December 19, 1852. URL: <http://jefferson.village.virginia.tdu/utc/proslav/butthp.html>.
12. *A Georgia Negro for Mrs. Stowe* // *The Daily Picayune*, December 24, 1852. URL: <http://jefferson.village.virginia.tdu/utc/proslav/butthp.html>.
13. *The Two Cabins*// *The Daily Picayune*, February 24, 1853. URL: <http://jefferson.village.virginia.tdu/utc/proslav/butthp.html>.
14. *Slavery in the Southern States*// *De Bow's Review*, December, 1852. URL: <http://jefferson.village.virginia.tdu/utc/proslav/butthp.html>.
15. *De Bow J. Notice of Aunt Phillis' Cabin*// *De Bow's Review*, January, 1852. URL: <http://jefferson.village.virginia.tdu/utc/proslav/butthp.html>.

Поступила в редакцию 20.08.15

I.V. Morozova

ANTI-TOM NOVEL AS A FACTOR OF THE SOUTHERNESS FORMATION IN AMERICAN LITERATURE: WOMEN'S STRATEGY

The article deals with the phenomenon of a so-called Anti-Tom novel, which appeared at the eve of the Civil War as a reaction to *Uncle Tom's Cabin* by Harriet Beecher-Stowe. Using the plot and the story of Beecher-Stowe's novel, southerners created a type of a changeling novel with severe attacks upon the *Uncle Tom's Cabin*. Despite their low artistic level and biased nature, these novels are very significant from the point of view of the southernness understanding. Major structural units of the Southern myth which serves as a basis for the artistic perception of the world by the southerners are consolidated in these novels.

Keywords: the US literature, Southern school of literature, Anti-Tom novel, *Uncle Tom's Cabin*, women's literature of the XIX century.

Морозова Ирина Васильевна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры сравнительной истории литератур
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет» (РГГУ)
125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6
E-mail: irinamoro@gmail.com

Morozova I.V.,
Doctor of Philology, Professor
at Department of Comparative literature history
Russian State University of Humanities
125993, Russia, Moscow, Miusskaya sq., 6
E-mail: irinamoro@gmail.com